Наталья Пархоменко

Ведьма из Тихого Бора

Наталья Пархоменко

Ведьма из Тихого Бора

«Автор»
2026

Пархоменко Н. Д.

Ведьма из Тихого Бора / Н. Д. Пархоменко — «Автор», 2026

Говорят, в Тихий Бор лучше не ходить. Там тихо так, что слышно, как шишка падает, а граница между миром живых и миром мёртвых истончилась. Там, в глухой чаще, живёт рыжая знахарка Верея. Её боятся, считают ведьмой и винят в смерти отца. Но однажды в её лес забредает беглец, который не побоялся тишины. Сможет ли девушка, отвергнутая людьми, найти своё счастье, или бор не отпустит её?

© Пархоменко Н. Д., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Навья тропа 5
Глава 1. Тихий Бор 7
Глава 2. Порча 10
Глава 3. Лесной уговор 13
Конец ознакомительного фрагмента. 14

Наталья Пархоменко
Ведьма из Тихого Бора

Пролог. Навья тропа

Мир наш делится на три части, и не всякому дано это видеть. Есть Явь — мир живых, где течёт вода, поют петухи, растёт хлеб и люди справляют свадьбы да рожают детей. Есть Правь — мир богов, откуда приходят законы и куда уходят праведные души, чтобы пировать в вечных садах. А есть Навь — мир мёртвых. Мир холода, тишины и забвения, где обитают души тех, кто не нашёл покоя, и те, кого люди боятся называть по имени.

Между Явью и Навью всегда стояла стена. Не каменная, нет. Стена из обычаев, из оберегов, из правильно сказанных слов. Умер человек — его омывают, кладут в домовину, плачут, а потом несут на погост. Поют тризну, оставляют требу, поминают. И отпускают. Душа уходит по Навьей тропе туда, где ей положено быть. Так заведено испокон веков. Так правильно. Ибо если живой держится за мёртвого, то мёртвый не уходит, а живой начинает чахнуть, словно дерево, у которого подрубили корни.

Но есть на свете места, где стена эта истончилась. Где Явь и Навь смотрят друг на друга сквозь туман, как два зверя сквозь чащу. Старики говорят, что такое случается там, где пролилась невинная кровь, где забыли о долге или где поселилась великая, нечеловеческая тоска. В таких местах даже воздух становится густым, а тишина — тяжелой, как мокрый снег.

Село Заречье стоит на краю такого места. Люди здесь живут простые: пашут, сеют, молятся старым богам, а где-то уже и новому богу, принесенному странниками в длинных рясах. Но дальше полей, за старой околицей, начинается лес. Не тот лес, где собирают грибы и хворост. А другой. Тот, что зовется Тихим Бором.

Там вековые ели стоят так плотно, что не пропускают солнечный свет. Там мох мягкий, как перина, и такой глубокий, что можно провалиться с головой. Но самое главное — там тихо. Так тихо, что звон в ушах стоит. Местные не ходят туда. Ни за ягодами, ни за дичью. Потому что знают: в Тихом Бору стена между мирами тонка, как паутина. И если войдешь туда без нужды, без оберега и без чистого сердца — не вернешься. Заблудишься не в пространстве, а во времени. Уйдешь в лес молодым — выйдешь стариком, а то и вовсе останешься навсегда, станешь частью мха и тумана.

Но нет такого правила, из которого не было бы исключения. И нет такого леса, где не нашлось бы пристанища для того, кому некуда больше идти.

Если прислушаться, если приложить ухо к самой земле, можно услышать, как скрипят вековые дубы. Это не ветер. Это древние духи перешептываются. Они знают, что однажды эта тишина была нарушена. Знают они и о той, что поселилась на краю бора. И о том, что произойдет, когда тишина снова содрогнется от человеческого шага.

Но давайте начнем с начала. Спустимся с небес на землю, пройдем по пыльной дороге мимо околицы и заглянем в ту избу, что стоит ближе всех к страшному лесу. Ибо в той избе началась наша история.

Глава 1. Тихий Бор

Село наше стоит на семи холмах, омывается рекой Смородиной, и живет в нем около сотни дворов. Каждую весну сюда приплывают купцы на расшивах, привозят ткани, железо да соль. Каждую осень играют свадьбы, а каждую зиму старики сидят на печи да рассказывают детям сказки.

Но как бы ни была хороша жизнь в Заречье, есть у нее одна черта, которая пугает всех, кто приезжает сюда впервые. Прямо за околицей, за последним колодцем, начинается Тихий Бор.

С виду это самый обычный лес. Осенью он вспыхивает багрянцем и золотом, зимой стоит заснеженный, как невеста в подвенечном платье. Но стоит сделать шаг за невидимую черту, как звуки пропадают. Птицы смолкают, словно им перерезали горло. Кузнечики перестают стрекотать. Ветер стихает. Только хруст старого валежника под ногами, да тяжелое дыхание того, кто осмелился войти.

В нашем селе о Тихом Бору говорят разное. Мужики, подвыпив на праздники, хвастаются, что ничего там страшного нет, просто лес как лес. Но никто из них не решается пройти дальше первых десяти сосен. Бабы же рассказывают совсем иное. Они шепчутся у колодца, когда вода в нем кажется особенно темной, что в этом лесу живут навьи — души тех, кто умер без покаяния. Что там, в самой чаще, есть место, где земля покрыта не мхом, а белым пухом, и там по ночам водят хороводы мавки. А еще говорят, что в середине бора стоит огромный старый дуб. Под его корнями бьет черный ключ, и если испить из него — можно увидеть будущее. Только вот цена у этого дара страшная.

Но самая главная легенда, которую дети слушают, раскрыв рты, а взрослые — крестясь да сплевывая через левое плечо, — это легенда о ведьме.

Мол, много лет назад пришла в Заречье женщина. Не то чтобы красавица писаная, но было в ней что-то такое, отчего мужики теряли голову, а бабы начинали злобно шипеть. Звали ее Баяна. Волосы у нее были цвета спелой пшеницы, только с рыжим отливом, словно в них запутался закат. Пришла она с котомкой за плечами, без роду, без племени. И поселилась в самой крайней избе на отшибе.

Взял ее в жены наш кузнец Радим. Мужик был видный, сильный, но суровый. Долго он жил бобылем, никого к себе не подпускал. А тут, словно морок на него нашел. Ходил за Баяной, как теленок на веревочке, пока она не согласилась.

Жили они ладно. Баяна оказалась бабой справной. И щи варила так, что язык проглотишь, и рубахи шила — залюбуешься. Но главное — она знала травы. К ней ходили лечиться от всех болезней: от лихорадки, от зубной боли, от тоски душевной. Шептала она над водой, заговаривала кровь, выкатывала яйцом порчу. Люди сначала благодарили, несли ей кто курицу, кто кусок сала. А потом начали шептаться.

Почему, мол, она в церковь не ходит? Почему молится не образам, а каким-то деревянным чуркам, которых понаставила в красном углу? И почему у нее глаза такие, что смотрят прямо в душу, и ничего от них не скроешь?

Год прожили Радим с Баяной, другой пошел. И на исходе второго года, в самую лютую зиму, когда мороз был такой, что птицы на лету замерзали, случилась беда. Радим лёг спать здоровым, а утром Баяна нашла его холодным. Он лежал на перине с открытыми глазами, и в них застыло такое изумление, словно он увидел перед собой что-то, чего не должен был видеть.

И хотя сама Баяна ревела так, что у соседей сердце разрывалось, село вынесло свой приговор. Порча. Не иначе. Не может мужик в самом расцвете сил просто так умереть. Это ведьма его извела. Сожрала его силу, чтобы себе годы жизни прибавить.

Зашумело Заречье. Мужики схватились за топоры, бабы заголосили. Толпа, она ведь что стая волков — стоит одному завыть, и все остальные подхватят, не разбирая правды. Пока старейшины спорили, можно ли казнить вдову без суда, бабы собрались в кучу и пошли к крайней избе.

Выволокли Баяну на снег. Она и одеться не успела, стояла в одной рубахе, босая, на снегу. А в руках у нее был сверток. Ребенок. Маленькая девочка, которая родилась у нее за пару дней до смерти Радима.

Увидели бабы ребенка и пуще озлобились. Значит, и дитя ее — отродье ведьминское. Порченое.

Старейшина села, седой старик по прозвищу Мудрый, вышел вперед. Не стал он слушать Баяну, не дал ей слова сказать в свое оправдание. Боялись они ее. И страх этот был сильнее разума.

— Уходи, — сказал он глухо. — Уходи из села, пока мы тебя не сожгли. И дитя свое забирай. Чтобы духу вашего здесь не было.

Баяна не плакала. Не просила. Она только посмотрела на них. Всего один раз. И от этого взгляда многие в толпе отшатнулись. Бабы зашептали молитвы, мужики перехватили топоры поудобнее. В глазах этой женщины не было страха. Была такая тоска и такое знание, от которых у любого мороз шел по коже.

Она завернула младенца в старый тулуп, подняла с земли узелок с самым необходимым — горстью соли, куском хлеба да теми самыми деревянными чурками. И пошла.

Куда ей было идти? Впереди лежало поле, за полем — река, а за рекой — бесконечные леса. Но дорога у нее была только одна. Она пошла прямо. В сторону Тихого Бора.

Толпа стояла и смотрела ей вслед, пока маленькая фигурка в тёмном не растворилась среди белых стволов берез. Никто не пошел за ней. Никто не предложил ей саней или теплой одежды. Они просто стояли, пока мороз не загнал их обратно в дома.

Так Баяна и ее дочь, которую она назвала Вереей, оказались за околицей. Оказались там, где кончалась Явь и начиналась Навья тропа. Оказались в самом сердце Тихого Бора.

И с этого дня легенда о ведьме обрела плоть. С этого дня Тихий Бор перестал быть просто страшным местом. Теперь у него была хозяйка. И было дитя, которому предстояло вырасти в тишине, чтобы однажды понять, что тишина — это не всегда отсутствие звука. Иногда это ожидание.

В тот вечер над бором впервые за много лет поднялся туман. Он стелился по земле, словно искал что-то. А из чащи на маленькую избушку, что стояла на самом краю, смотрели сотни невидимых глаз. Лес принимал новых жильцов. И лес знал, что они здесь надолго.

Глава 2. Порча

Смерть Радима была странной, и это понимали даже те, кто кричал громче всех про ведьму. Мужик он был крепкий, как дуб. Зимой купался в проруби, летом косил с утра до ночи, хвори не знал вовсе. А тут — взял и помер. Во сне. Без крика, без стона, без единой царапины. Просто перестал дышать.

Бабы, те, что первые побежали смотреть на покойника, как только слух прошел, потом шептались, что видели на его груди странный след. Будто кто-то положил ему на сердце холодную руку и держал, пока сердце не остановилось. Но кто им поверит, бабам? Они и сами не верили, но страх свой прятали за злостью.

На самом деле Баяна не убивала мужа. И она сама не знала, отчего он умер. Она не спала две ночи, сидела над его телом, читала заговоры, которые знала, шептала слова, которые должны были отогнать смерть. Но смерть уже вошла в дом и не собиралась уходить. И в ту вторую ночь, когда Баяна осталась одна в избе с покойником, она вдруг почувствовала, как в комнате стало холодно. Не по-зимнему холодно, а как-то иначе. Так холодно, как бывает в погребе, где лежит лед.

Она обернулась. И увидела тень. Не человека. Тень стояла в углу, у печи, и смотрела на нее. Баяна была ведуньей, она знала, как выглядят навьи. Но эта тень была другой. Она не просто стояла, она тянулась к Радиму. К его груди.

Баяна вскочила, схватила оберег, который висел у нее на шее, и зашептала слова изгнания. Тень не исчезла. Она отступила. Но перед тем как раствориться в темноте, она как будто усмехнулась. И в этой усмешке было что-то такое, отчего у Баяны затряслись руки.

Она так и не сказала об этом никому. Потому что знала: люди не поверят. Люди обвинят ее. Всегда проще обвинить того, кто рядом, чем смотреть в лицо настоящему страху.

На следующее утро пришли мужики. Они не стали слушать, не стали разбираться. Просто выволокли ее на снег и дали пинка под зад. И Баяна пошла. Сначала она шла по дороге, потом свернула в поле, а потом дошла до опушки Тихого Бора. Она не знала, куда идти. Не знала, как выжить. У нее были только руки, голова на плечах, маленькая Верея на руках да те самые деревянные чурки, которые она вынесла из избы.

Баяна знала одно: лес не выдаст. Лес — он живой. Он чувствует, кто пришел с добром, а кто со злом. И если она сможет доказать лесу, что не желает ему зла, он даст ей приют.

Она вошла в лес. И тут же поняла, что это не тот лес, где она собирала травы. Здесь деревья были другими. Они стояли слишком близко друг к другу, словно шептались о чем-то своем. Мхи были слишком мягкими, и ноги проваливались в них, как в воду. А тишина была такой густой, что Баяне казалось, будто она оглохла.

Она шла долго. Ноги замерзли, руки тоже, а Верея тихонько попискивала на руках. Баяна не плакала. Слезы кончились еще в селе. Она просто шла. Она знала, что если остановится — замерзнет. А если замерзнет — умрет. А если умрет — Верея останется одна в этом лесу. И этого она не могла допустить.

К вечеру она наткнулась на старую избу. Изба была покосившейся, крыша прохудилась, дверь скрипела на ветру. Но внутри было тепло. Кто-то здесь жил раньше. Может быть, охотник, может быть, изгнанник. Но он давно ушел, и изба стояла пустая.

Баяна вошла в избу. Там было темно и пыльно. Она нашла старую печь, разожгла огонь. Прижала Верею к груди и села у огня. И только тогда она заплакала. Тихо, беззвучно. Так, чтобы никто не слышал. Даже лес.

В ту ночь ей приснился сон. Будто стоит она на поляне, а вокруг нее — деревья. Они смотрят на нее. И в каждом дереве — лицо. Старое, морщинистое. Они не говорили. Просто смотрели. И Баяна поняла: это хозяева. Хозяева леса. Они решают, быть ей здесь или не быть.

Она проснулась от холода. Кто-то стоял у двери. Баяна схватила нож, который нашла в углу. Дверь скрипнула и открылась.

На пороге стоял старик. Высокий, как сосна, борода — как лишайник, глаза — как два угля. Одет в мох и кору. И пахло от него сырой землей и хвоей. Он не угрожал. Он просто стоял и смотрел. И Баяна поняла: это он. Тот самый хозяин леса. Леший.

Она опустила нож.

Глава 3. Лесной уговор

— Ты кто? — спросила Баяна. Голос у нее дрожал, но она старалась держаться.

— Хозяин, — ответил он. Голос был низким, как скрип старого дуба. — Бор это мой. А ты что, думала, я тебя так пущу?

Баяна поклонилась ему в пояс. Она знала, как нужно разговаривать с лесными хозяевами. Не перечить, не хвастаться, не жаловаться. Просто сказать правду.

— Не гони, батюшка. Не к кому мне идти.

Леший долго смотрел на нее. Потом на Верею, которая тихо спала у нее на руках. И молвил:

— Ладно. Живи. Дом этот пустой. Охотник здесь жил, да помер. А дом крепкий. Только уговор. Лес не рубить. Лишнего не брать. Требу оставлять. И не шуметь. Я тишину люблю. А если кто чужой придет — меня зови. Я сам разберусь.

Баяна поклонилась еще ниже.

— Спасибо, батюшка.

— Не благодари, — буркнул Леший. — Благодарность — не требу. Хлеба оставь. И соли.

С тем и ушел. Только мох под ногами хрустнул. И тишина снова стала полной.

Баяна осталась жить в охотничьей избе на краю Тихого Бора. Дом был крепкий, из дубового бруса. Внутри — печь, полати, сундук. И красный угол, где стояли те самые чурки, которые она принесла из села. Она поставила их на полку, зажгла свечу и села рядом с Вереей.

Она понимала, что теперь ее жизнь изменится. Она не сможет ходить на торг, не сможет покупать еду, не сможет общаться с людьми. Она останется одна. С ребенком на руках. В лесу, где живут духи.

Но когда она посмотрела на Верею, которая сосала молоко, она поняла: у нее нет выбора. Она должна выжить. Ради нее. Ради девочки, у которой не будет ни отца, ни дома, кроме этой избы.

И она начала выживать.

Первые дни были тяжелыми. Баяна не знала, какие ягоды можно есть, какие — нет. Не знала, где ловить рыбу. Не знала, как разговаривать с лешим. Но она не сдавалась. Она ходила по лесу, собирала травы, ловила рыбу в ручье, который бежал неподалеку. А когда наступала ночь, она садилась у печи, брала Верею на руки и говорила с ней.

Она рассказывала ей о том, как жили люди в селе. О том, что там есть дома, где пахнет хлебом. Что есть дети, которые играют на улице. Что есть река, где можно купаться. И что когда-нибудь, когда Верея вырастет, она сможет вернуться туда. Если захочет.

Но Верея не хотела. Она не знала другой жизни. Она росла в лесу, среди деревьев и трав. Она не боялась темноты, потому что темнота была ее другом. Она не боялась волков, потому что волки не трогали ее. Она не боялась лешего, потому что он был ее защитником.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.